

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

“ТЫ, ЖГУЧИЙ ОТПРЫСК АВВАКУМА...”

Глава 13

БЕЛАЯ ИНДИЯ

“Белая Индия” не была лишь творческой фантазией Николая.

“...Поверь мне, там, на Востоке – тайник богатых откровений”, – говорил Лермонтов Краевскому. Этот “тайник богатых откровений” манил и притягивал к себе на протяжении многих столетий.

Торговые отношения у России с империей Великих Моголов были установлены ещё в XVII веке и продолжены при Петре I, который пытался найти прямые пути в Индию. Сами индийские купцы заявляли, что пользуются в России привилегиями, каких не имели ни в Персии, ни в других странах Востока.

Сын староверов и великий русский энциклопедист Михаил Ломоносов, что ассоциировался у Ключева с самим народом (“за обозом народ – Ломоносов в пестрорадушном зипуне”), разрабатывал проект движения российских судов через Северный Ледовитый и Тихий океаны в Индию... Речь шла об обретении новых геостратегических основ России в мировом бытии. И, возможно, не только о грядущем геополитическом союзе шла речь, ибо, утверждал Ломоносов – “и целой Ориентальной академии быть бы полезно”. И если ранее поиски путей на Восток были вызваны именно стремлением к мирной торговле, то при Павле I Россия бросит прямой вызов Британской империи, отправив под началом генерала Платова казачий корпус в Индию – с целью, в том числе, и овладения Тибетом. Корпус прошёл 1564 версты, когда его настигло известие об убийстве императора. Как писал французский журнал “Монитор” – “Павел I умер в ночь с 24 на 25 марта. Английская эскадра прошла Зунд 31-го. История узнает связь, которая могла существовать между этими двумя событиями”.

Пройдёт менее 100 лет – и в 1893 году принявший православие тибетский врач Жамсаран Бадмаев представит Александру III доклад “О задачах русской политики на азиатском Востоке”, где впрямую напишет о необходимости присоединения к Российской империи Тибета, Монголии и Китая... “Восточный проект” поддержат митрополит Антоний Волынский (Храповицкий), архиепископ Феофан Полтавский (Быстров), архиепископ Андрей Уфимский (князь Ухтомский), позже перешедший в старообрядчество. И если при Александре II конфронтация между Россией и Великобританией на подступах к Британской Индии ослабла, а само русское правительство после успешных среднеазиатских походов решило, что “дальнейшее распространение наших владений в Средней Азии не согласно с интересами России и ведёт только к ослаблению

* Продолжение. Начало в № 1–12 за 2009 год.

и раздроблению её сил”, то в дальнейшем ситуация начала ощущаться меняться, балансируя, как на качелях. В 1900 году в Бомбее было открыто русское консульство, в 1907 году при существенном давлении “англоманов” в русском правительстве было подписано англо-русское соглашение, регламентировавшее политику России и Англии в Афганистане, Персии и Тибете, ставшее важнейшей вехой на пути присоединения России к Антанте (“Тройственному союзу”), а уже в 1910–1914 годах Николаем II разрабатывается план присоединения на началах автономии к Российской империи Тибета, поддержанный с одной стороны далай-ламой, а с другой – германским императором Вильгельмом, впрямую заинтересованным вытеснить с Востока Британскую империю. Так что втягивание Антантой России в войну с Германией при помощи своей “внутренней партии” имело безусловный геополитический смысл.

Но одно дело – геополитика, другое – историческая и духовная связь Руси и Индии на протяжении долгой человеческой истории. Ещё в Древней Руси были сложены и переведены на русский “Слово о рахманах” и “Сказание об Индийском царстве”. “У рахман... народ благочестив, и живут они совершенно без стяжания и, уведав жребий, посланный им Божьей судьбой, обитают нагие и всегда восхваляют Бога. У них же нет и четвероногих, ни земледелия, ни железа, ни храмов, ни риз, ни огня, ни золота, ни серебра, ни едены мяса, ни соли, ни царя, ни купли, ни продажи, ни распрей, ни драк, ни зависти, ни вельмож, ни воровства, ни разбоя, ни игр, и не стремятся к преисыщению, но насыщаются сладкой дождевой влагой и свободны от всяких болезней и тления, довольствуются небольшим количеством плодов и сладкой воды, и веруют искренно в Бога, и беспрестанно молятся...” Рай на земле – словно ещё до согрешения Адама и Евы... И совершенно иная картина – в “Сказании об Индийском царстве” – царстве сказочного пресвитера Иоанна, “поборника православной веры Христовой, царстве, полном чудес, где за одним столом с Иоанном “обедают... каждый день двенадцать патриархов, десять царей, двенадцать митрополитов, сорок пять протопопов, триста попов, сто дьяконов, пятьдесят певцов, девятьсот клиросников, триста шестьдесят пять игуменов, триста князей”... Этот чудодейственный мир уже раздираем войнами – “а если идём на войну, когда хотим кого-нибудь покорить, предо мною идут и несут двадцать крестов и двадцать стягов... А когда идём к назначенному месту на бой, другие люди несут предо мною один деревянный крест с изображением Распятия Господня, чтобы мы вспоминали Господнее страдание и распятие. Рядом с крестом несут большое золотое блюдо, а на нём – одна земля: на землю глядя, вспоминаем, что из земли мы созданы и в землю же уйдём. А с другой стороны несут другое золотое блюдо, на нём драгоценные камни и отборный жемчуг: и те, кто видят их, прославляют нашу державу...” И завершается этот удивительный памятник древнерусского словесного искусства ещё одним напоминанием о том, что Иоанн – поборник православной веры: “А во дворце моём сто пятьдесят церквей; одни сотворены Богом, а другие человеческими руками”.

Это греческое творение XII века, написанное в форме послания индийского царя и священника-христианина Иоанна византийскому императору Мануилу, при всей фантастичности отвечало давней мечте христиан Восточной Европы и Малой Азии о сильном православном государстве на Востоке, что противостояло язычникам и мусульманам. “Сказание об Индийском царстве” получило распространение на Руси во второй половине XV века, когда уже было сложено тверским купцом Афанасием Никитиным его знаменитое “Хождение за три моря” – в ту страну, куда издавна стремилась русская мечта и мысль, нашу пывающую подспудную тесную связь, соединяющую два мира. Никитин завершил своё “Хождение” прославлением Бога на арабском языке с цитатой из 59-й суры Корана и мусульманским перечнем Божественных имён.

В разное время и по-разному открывался русским людям таинственный Восток.

“В Юаньши, гл. XXIV, записано под 1330 г., что император Вэнь-цзун (1329–1332), правнук Кубилая, создал русский полк под начальством темника. Название полка – Сюан-хун – У-ло-се Ка-ху вей цинкюи – Вечно верная русская гвардия...” Это цитата из статьи Э. Брейтшнейдера “Русь и Асы на военной службе в Пекине”, напечатанной в “Живой старине” в 1894 году.

Речь идёт о тверичанах, разгромленных ордынцами и Иваном Калитой в 1327 году, угнанных в полон и ставших воинами, псарями и сокольничьими

при китайском императорском дворе. К ним – русским в средневековом Китае – мы ещё вернёмся.

О них писал Сергей Николаевич Марков уже в 1960-х годах в книге “Земной круг”, которая складывалась спустя тридцать с лишним лет после встреч автора с Клюевым и долгих и насыщенных с ним бесед.

“Русские невольники, – писал Марков, – разделяли с китайским народом все те тяготы, которым он подвергся во время правления хана Шунь-ди...”

И кто знает, может быть, русские люди принимали участие в освободительных восстаниях против монгольского владычества в Китае?.. Русские люди были свидетелями свержения ненавистного господства дома Юань в Китае. Может быть, последний великий хан увёл с собою своих русских невольников? Ответить на этот вопрос невозможно.

Но не здесь ли и скрыта вековая загадка Беловодья? Вспомните, как ещё лет сто назад бородастые алтайские кержаки искали свою страну обетованную в пределах Западного Китая, в Монголии, пробираясь к озеру Лобнор? Какие жизненные корни имела старая сказка о заповедном Беловодье, о звоне русских колоколов в самой глубине Центральной Азии? Может быть, привлекательная для русских раскольников легенда была основана на вполне жизненных событиях далёкого прошлого?

О русских людях, живших в Каракоруме ещё в XIII веке, рассказывали европейские путешественники. Когда столица дома Юань была перенесена в Ханбалык, там вместе с аланами появились и русские пленники. Тверская соха в 1330 году, возможно, не впервые прошла по земле Китая.

Китайские учёные, жившие в XIV веке, например, Ван Хой и Юй Тан-цзя даже пытались выяснить историческое прошлое русского народа. Они писали, что “алосы не кто иные, как потомки древнего народа усунь”.

А во второй половине XVII века, ещё до никонианской реформы, Русь посылала приказчиков в Индию “для отведыванья торгового промыслу”, о чём рассказывалось в книге В. Уляницкого “Сношения России с Индией и Средней Азией”, изданной в 1889 году.

О связи с дальним и прекрасным Востоком, об “Индеюшке богатой”, о таинственном Беловодье, где нет власти, людьми поставленной, где правой вере простор, где свободен дух человеческий, где обретает волю и покой тот, кто войти туда достоин, – повествовалось в староверческих апокрифах, многие из которых могли и не дойти до нас – ибо не подлежали лицемерию праздных глаз, оставались глубоко под спудом, передавались лишь в руки верных – и гибли в исторических катаклизмах, а то и вовсе не записывались, передавались из уст в уста, навреде того песнопения, которым уже после революции завершил Клюев своё стихотворение в прозе “Красный конь”:

*Эх ты, сердце наше — красный конь,
У тебя подковы — солнце с месяцем,
Грива-масть — бурливое Онегушко,
Скок — от Сарина Носа к Арарат-горе,
В ухе Тур-земля с тёплой Индией,
Очи — сполохи беломорские, —
Ты лети-скачи, не прядай назад; —
Позади кресты, кровь гвоздиная,
Впереди — Земля лебединая.*

Народная легенда о таинственном Беловодье передавалась из уст в уста, в тайных списках, что в XIX веке изымались и хранились в секретных полицейских архивах... Это и своего рода руководство для путника, что идёт к земле таинственной, обетованной чрез зашифрованные точки маршрута, что выписаны в тексте этой удивительной легенды о сказочной восточной земле:

“Маршрут, сиречь путешественник: от Москвы на Казань, от Казани до Екатеринбурга и на Тюмень, на Каменогорск, на Выбернум деревню (Барнаул. – С. К.), на Избенск (Бийск. – С. К.), вверх по реке Катунь на деревню Устьюбу, во оной спросить странноприимца Петра Кириллова.

Около их пещер множество тайных и мало подале от них снеговья горы распространяются на 300 вёрст, и снег никогда на оных горах не тает. За оными горами деревня Умоменская (Уймон. – С. К.) и в ней часовня; инок

схимник Иосиф. От них есть проход Китайским государством, 44 дня ходу, через Губань, потом в Опоньское государство. Там жители имеют пребывание в пределах окяна-моря, называемое Беловодие. Там жители на островах семидесяти, некоторые из них и на 500 верстах расстоянием, а малых островов исчислить невозможно...

Проживающий народ на вышеозначенных островах беловодских при означенных церквах с духовным чином древняго поставления отклонившихся от гонения римских западных папешских еретиков в те восточные места. Также и россияне во время изменения церковного чина Никоном патриархом московским и древняго благочестия бежали из Соловецкой обители и прочих мест Российского государства немалое число, отправились по Ледовитому морю на кораблях всякого звания людей, а другия и сухопутным путём.

Бог наполняет сие место...

В том месте приходящих из России принимают первым чином: крестьят совершенно в три погружения и желающих там пребыть до скончания жизни...

В тамошних местах татьбы и воровства и прочих противных закону не бывает. Светского суда не имеют; управлют народы и всех людей духовныя власти. Тамо древа равны с высочайшими древами. Во время зимы морозы бывают необычайные с рассединами земными. И громы с землетрясением немалые бывают. И всякие земные плоды бывают; родится виноград и сорочинское пшено. И у них злата и серебра несть числа, драгоценного камня и бисера драгого весьма много. А оные опоньцы в землю свою никого не пускают, и войны ни с кем не имеют: отдалённая их страна. В Китае есть град удивительный, яко подобнаго ему во всей подсолнечной не наберётся".

Эта легенда о таинственном Беловодье возникла ещё до раскола, но после него обрела новый смысл. Речь ведь идёт не о доселе неизвестной — о забытой земле, память о которой хранится в людских сердцах. И из поколения в поколение передаётся завет — найти тот край, дорога к которому позабыта, который, подобно Китеж-граду, что после Батыева разорения стал невидимым, сокрыт водами Светлояра, растворён в туманном мареве, — а лежит этот край в восточной земле, и бредут староверы на поиски некогда утерянного рая земного.

Георгий Гребенщиков, один из любимейших прозаиков Клюева, выпустивший в 1914–1915 гг. двухтомник "В просторах Сибири", в очерке "Алтай — жемчужина Сибири", написанном уже в эмиграции в 1926 году, утверждал, что легендарное Беловодье — и есть Алтай, Уймонская долина у подножия овеянной легендами горы Белухи, Бухтарминский край, долины рек Урянхая, Саянов и Тарбагатая.

"...Замечательно, что русские славяне одновременно пришли как на Алтай, так и в Забайкалье, на реку Селенгу, именно с одинаковыми побуждениями — сохранить древние основы их религиозного начала, начала того общезжития на Руси, когда религия управляла целым государством, повелевала царям и правителям, и когда "Господа ради" старцы и юноши искали уединения в лесах и на горах, и когда их скиты и починки вырастали в великие монастыри, в посады и целые большие города.

Также знаменательно и то, что в течение двух столетий сюда, в глухие горы и леса Алтая, пробирались не только ищущие Белых вод, но и гонимые за старую веру, а также беглые от тяжкой подневольной жизни, от каторжного непосильного труда в шахтах и от прочих степеней насилия над совестью и волей человека...

Обилие голубых и говорливых рек, высоких причудливых гор, покрытых непроходимыми лесами и лугами с многочисленными постоянно меняющимися цветами, — всё это делало в глазах отшельника Алтай обетованным местом, земным раем. И люди, окружённые лишь птицами да дикими зверями, обвеянные безлюдием и тишиной, чувствовали близость Бога и полную неприкосновенность и защиту от насилия своих же братьев, а также столь необходимое им удаление от всякой суеты греховной. Потому даже злодеи и преступники, уединившиеся в горах Алтая, неожиданно превращались в мягких благоговящих людей и мужественно переносили тяжёлые лишения, одиночество, тревоги и страх за жизнь, пока с течением лет находили и увлекали в своё уединение и женщины, чтобы зажить очагом, семьёй и общиной.

И вот когда такая община, скованная единой волей и верой, строила в горах свой первый маленький бревенчатый храм-часовню, летописец мог с уве-

ренностью занести в свой свиток, что вековой уклад славянства на многие века утверждается в далёкой Азии и что в заплечной котомке простой скитник вместе с медным складнем-иконой занёс на великую гору Алтая весь тяжёлый груз труженика — пахаря и скотовода и все радости мечтателя, взыскующего и нашедшего святое место для своих молений”.

Там, действительно, оседали многие из русских странников, пустившихся на поиски Беловодья, но нельзя не вспомнить уймонскую песню, где поётся о том, что пришельцы остановились лишь передохнуть, а путь их — дальше, на Восток, в Афганистан, Китай, Индию — и далее, до пределов земли обетованной.

*Уж вы горы, гороньки алтайские,
Приютите вы нас, добрых молодцев,
Добрых молодцев, разбойничков.
Мы пришли к вам, гороньки, не век вековать,
Не век вековать, одну ночь ночевать.*

... Староверческую легенду хорошо знал замечательный русский писатель Александр Новосёлов, воплотивший её в повести “Беловодье”, что была напечатана в “Летописи” в 1917 году.

Умиравший старовер Панкрат наставляет своего сына Панфила, завещает ему перед смертью исполнение своей несбывшейся мечты.

— Скажи мне, веришь ли в землю Восеонскую, правой вере обетованную?

— Верю, батюшка.

— А как веришь?

Сын молчал.

— Как ты веришь, говорю? Всяко верят. Есть которые смеются. Из стариловских, из наших же такие есть. А другие опять рассудком затмились и ищут сказку богомерзкую... Думают, на белых водах калачи по берёзам висят... Не то надо искать... Не такое Беловодье.

— Понимаю, батюшка.

— Вразуми тебя, Господи! Беловодье, оно от всех стран отличительно... Найдёшь, небось...”

Трагичен финал этой повести. Погибает в пустыне Панфил, так и не нашедший Земли Обетованной. Оставляют его единоверцы, возвращаясь к родному очагу.

Поиски — поисками, а была ещё и прапамять, хранящая знание о едином истоке, истоке, о котором стали писать и издавать книги в России и Индии в начале XX века.

* * *

В 1903 году в Бомбее учёный и видный деятель Индийского национально-го конгресса, борец за освобождение Индии Бал Гангадхар Тилак издал книгу “Арктическая Родина в Ведах”, где утверждал, на основе анализа текстов индийских “Вед” и иранской “Авесты”, что родина предков индоиранцев, или “арьев”, находилась около Полярного круга на севере Европы, о котором в “Ригведах” говорилось, как о благодатном крае. “Я считаю, — писал Тилак, — что в древнейших книгах арийской расы, в Ведах и Авесте, содержится достаточно утверждений, чтобы доказать, что древняя родина ариев лежала где-то вокруг Северного полюса... Обращаясь к традициям, мифам и верованиям Вед, мы имеем возможность увидеть, что они возникли много тысяч лет тому назад и были без изменений переданы нам, а поэтому вполне возможно, что в этих древних книгах мы можем найти следы изначальной приполярной родины ариев, и то, что они жили в самые давние времена в пределах приполярного круга... Северный полюс и арктические области обладают особыми астрономическими характеристиками, и если в Ведах могут быть открыты указания на это, значит, предки ведических риши (пророки, мудрецы, авторы Вед. — С. К.) должны были знать эти характеристики, живя в этих областях, что было возможно только в период межледневековья...” Анализируя ведические мифы, связанные с богиней зари Ушас, с богом Индрой, борющимся с демонами-дасами, которых скрывает тьма, с богом Варуной, с мифами

о пленных водах и утренних божествах, с “тремя шагами Вишну” – Тилак приходит к оснополагающему выводу: “авторы Ригведы были знакомы с климатическими условиями, свойственными только арктическим областям... упомянутые божества... являют своё арктическое происхождение”.

Книга была переведена на несколько европейских языков и вызвала настоящую сенсацию. И даром что не был переведён этот труд тогда же на русский язык – основные его идеи излагались в книге русского учёного Е. Елачича “Крайний Север как родина человечества”, изданной в 1910 году, мимо которой не мог пройти Ключев.

Елачич также приводил многочисленные выдержки из “Ригведы” и “Авесты”, где полгода длится день и полгода – ночь, а “год человеческий – это один день и одна ночь богов”.

*По правде, это было много дней,
В течение коих до восхода солнца
Ты, о заря, была видна нам!
Многие зори не просветлились до конца,
О, дай, Варуна, нам зари до света прожить.*

Полярная ночь сменяется полярным днём, когда “свою колесницу бог Солнца оставил посреди неба” – так наблюдается движение солнца в северных широтах...

А теперь вспомним уже приводимую ранее цитату из “Песни о великой матери”, где Ключев вспоминал начало своего “образования”:

*С Воронограем список Вед,
Из Лхасы шёлковую книгу
И гороскоп — Будды веригу —
Я прочитал в пятнадцать лет.*

Оставим в покое возраст поэта – здесь может быть множество допущений и предположений. Но когда бы ни состоялось знакомство Ключева со священными книгами – он не мог не увидеть даже в названии рек и озёр Русского Севера их смыслового и звукового соответствия в санскрите, где река Алака расшифровывается через “завиток”, река Важа – через “ваджу” (“быстроту” и “воду”), река “Вандыш” соответствует “вандье” (“восхваляемому”), река Вара – “вар” (“воде”) и “варе” (“лучшей”). Варда (река в Пинежском уезде) на санскрите соответствует “варде” (“дающей воду”), а Варзуга, там же протекающая, – “варасу” (“широте”, “простору”). Приток Онеги Вега означает “поток” – и что уж говорить о реке Ганге в Онежском уезде или Гангозере в Лодейнополюском, чьи имена соответствуют не только названию священной реке Индостана, но и понятию “идущая” в санскрите... О многом же изначально говорили ему имена рек и озёр, по берегам которых он проходил в своих скитаниях – Карна, Кула, Лекшма, Мандера, Павана, Рокса, Санда, Шива... Человек, неустанно учившийся и расширявший свои познания, он не мог пройти мимо исследований и словарей по санскриту К. Коссовича, Ф. Крнауэра, П. Риттера, издававшихся в России во второй половине XIX – начале XX века. А, читая книгу “Махабхараты” – “Путешествие Бхагавана”, – не мог не остановиться на описании “Вознесенной” страны, где “возникают сияния” и проходит дорога “Золотого Ковша” – Большой Медведицы.

*Здесь семь риши и богиня Арунхати;
Здесь находится созвездие Свати, здесь помнят о его
величии;
Здесь, нисходя к жертве, Полярную звезду укрепил
великий предок;
Здесь созвездия, луна и солнце постоянно обходят
круги;
Здесь лучшие из дважды рождённых врата Певчей
страны охраняют.*

“Великим предком” слагатели Вед называли бога Индру, а Полярная звезда, соединяющая и крепящая невидимую ось, на которой Индра расположил небо и землю, именовалась “Друхвой” – “нерушимой”, “неколебимой”.

Замечательный искусствовед и этнограф С. В. Жарникова в своей книге “Золотая нить”, изданной в наши дни и посвящённой древнейшим корням народной культуры и связи русских архаических обрядов, ритуалов и самой мифопоэтической традиции с индоиранской, пришла на основании многолетних исследований к безусловному выводу: “Судя по текстам Ригведы, Махабхараты и Авесты, древние арьи прекрасно знали флору и фауну Европейского Севера, поклонялись Полярной звезде, Большой Медведице, созвездию Кассиопеи, Волопаса и Персея, т.е. созвездиям Приполярья и Заполярья... Великая река нашей Родины Волга вплоть до 2 века н. э. носила имя, под которым её знала священная книга древних иранцев Авеста – Ранха или Ра. Но Ранха Авесты аналогична реке Ганге Ригведы и Махабхараты, именно на её берегах жили древние арьи, предки современных индийцев и иранцев... Когда-то Гаврила Романович Державин писал: “Река времён в своём стремленьи уносит все дела людей”. Мы же столкнулись с удивительным парадоксом, когда реальные реки словно остановили поток времени, вернув в наш мир и тех людей, что когда-то жили по берегам этих рек, и их дела. Вернули нам нашу Память”.

Для Клюева книга Елачича могла стать лишь побудительным толчком “пробуждения Памяти”, когда разнородные наблюдения и сопоставления, проявляющиеся в зримых и звуковых формах, наконец, связываются в единый узел... К 1916 году, на который в его восприятии приходится пик противостояния вербы и железа, Руси и Запада – он обретает тайнознание этой связи – и её воплощение в поэтическом творчестве Николая растянется на ряд долгих лет. Ключевым в этом никак композиционно не организованном поэтическом цикле станет стихотворение (точнее, мини-поэма) “Белая Индия”.

“Сказка – алмазный узор”, утерянная Всевышним, что обронил её “в Глуби Глубин”, исчезла “на дне всех миров, океанов и гор” – и ни один архангел не смог отыскать её – ни у Смерти, ни у Времени, ни у Месяца, ни у Солнца, – до тех пор, пока

*Земля — Саваофовых брашен кроха,
Где люди ютятся средь терний и мха,
Нашла потеряшку и в косу вплела,
И стало Безвестное — Жизнью Села.*

Это “Безвестное” роднится с “Оно”, которое рефреном сопровождает написанную тогда же “Белую повесть”, посвящённую памяти матери. “Оно” – заветное предание, разлитое в воздухе родного села и родимой избы, беззвучно пронизывающее каждую строку поэта, погружённого в прапамять.

*Есть град с восковою стеной,
С палатой из титл и заставок,
Где вдовы-Ресницы живут
С привратницей-Родинкой доброй,
Где коврик моленный расшит
Субботней страстною иглой,
Туда меня кличет Оно
Куличевым сдобным трезвоном,
Христом разговеться и всласть
Наслушаться вешних касаток,
Что в сердце слепили гнездо
Из ангельских звонких пушинок.*

Бледный Конь Апокалипсиса, пришедший в родную избы, – преобразует одним прикосновением привычный мир. Смерть раздвигает зрение, которое собирает воедино времена и пространства. “И каждое око есть мир, сплав жизней и душ отошедших. “Изыди”, – воззвали Миры, и вышло Оно на дорогу...” В Белой же Индии обретение селом “Безвестного” влечёт “загадок и тайн золотой приворот”... И разгадка этих тайн приводит к прозрению путей, соединяющих современность с праисторией, когда арьи (в изначальном значении – пахари) слагали вещие гимны о своей прародине, уходя чрез горы и реки на юг, сохранив и приумножив тайное знание в дебрях Индостана.

*На дне всех миров, океанов и гор
Цветёт, как душа, адамантовый бор, —
Дорога к нему с Соловков на Тибет,
Чрез сердце избы, где кончается свет.*

Знакомые с детства бытовые реалии обретают космический смысл, все-ленское значение, становятся символом счастливого бытия, нисколько не теряя своего земного предназначения, более того, воплощаясь в конкретных земных формах — реальность существования Града Незримого настолько очевидна в клюевском восприятии и передаче, что поистине ошеломляет неподготовленного читателя. В этом Граде пиршество плоти и духа, вечное бессмертие, что, естественно, отсылает к сугубо материалистическому обоснованию преодоления смерти в “Философии общего дела” Николая Фёдоров, высоко ценимого Клюевым, воплощено в сугубо земных, плотских образах. Избяной космос и Белая Индия — прародина арьев — здесь едины в своём гармоничном соитии, и сокровища мирового духа и мировой культуры под пером олонецкого странника становятся в один ряд с нерукотворной красотой северных лесов, восточных пустынь, южных ароматных чащ, красотой Русской Избы и Индийской Пагоды... Трапеза за столом родного дома обретает смысл обретения Солнца и вызывает в памяти создание богом Вишну предков из трёх лепёшек... (И как тут не вспомнить процедуру выдерживания младенца Николая в хлебной квашне?)

*Повыйди в потёмки из хмарной избы —
И вступишь в поморье Господней губы,
Увидишь Предвечность — коровой она
Уснула в пучине, не ведая дна.
Там ветер молочный поёт петухом,
И Жалость мирская маячит конём,
У Жалости в гриве овечий ночлег,
Куриная пристань и отдых телег.
Сократ и Будда, Зороастр и Толстой,
Как жилы, стучатся в тележный покой.
Впусти их раздумьем — и въявь обретёшь
Ковригу Вселенной и Месячный Нож —
Нарушай ломтей, и Мирская душа
Из мякиша выйдет, крылами шуриша.
Таинственный ужин разделите вы,
Лишь смерти не кличьте — печальной вдовы...*

“Сократ и Будда, Зороастр и Толстой” — это соединение четырёх потоков мысли, изошедших из четырёх сакральных точек Земли — Греции, Индии, Персии и России. Всё сокровище человеческой мысли, унаследованное Землёй, исходит из этих четырёх источников, что соединяются воедино в “Белой Индии” — на Русском Севере — прародине человечества, в легендарной Гиперборее. Веды и Авеста повествуют о ней, а Эллада унаследована русской архаикой — чрез Византию, что одарила Русь словом Христовым. И неназываемая икона Спаса Нерукотворного осеняет клюевскую Белую (северную) Индию со всеми её сокровищами.

*В потёмки деревня — Христова брада,
Я в ней заблудиться готов навсегда,
В живом чернолесье костёр разложит
И дикое сердце, как угря, варить,
Плясать на углях и себя по кускам
Зарыть под золою в поминок векам,
Чтоб Ястребу-духу досталась мета —
Как перепел алый, Христовы уста!
В них тридцать три зуба — жемчужных горы,
Язык — вертоград, железа же — юры,
Где слюнные лоси, с крестом меж рогов,
Пасутся по взгорьям иссопных лугов...*

*Ночная деревня — преддверие Уст...
Горбатый овин и ощеренный куст
Насельников чудных, как струны, полны...
Свершатся ль, Господь, огнепальные сны?!*

Это символическое “саморасчленение” помимо всего прочего отсылает к древнеиндийскому мифу о великане Пуруше, из тела которого, после жертвоприношения, было создано всё мироздание: дух воплотился в луну, глаз — в солнце, уста — в богов Индру и Агни, дыхание — в ветер, пуп — в воздушное пространство, голова — в небо, ноги — в землю, ухо — в четыре стороны света... Стихотворение “Я здесь”, — ответило мне тело...”, позже названное “Путешествие”, воспроизводит путь по вселенной тела, где семь чакр, известных из учения йоги, — нервных сплетений, воздействие на которые регулирует здоровье человека, полностью соответствуют семи точкам, известных русским знахарям: сахасрара соответствует родничку, аджна — челу, вишудха — горлу, анахата — сердцу, мерударда — ярлу, манипура — животу, свадхистхана — роду. Ключевское плавание по миру тела — открытие новых материков с их собственной жизнью. В “сердце мысе” — “цветут миндаль и кипарис”, на “острове Печень” — “в долинах с жёлчными лучами отары пожранных овец”, живот — “плотьяные Печенег”, где “населяет гребни суши крылатый яростный народ”... Словно Одиссей, пройдя опасные земли, поэт причаливает к желанному краю — роду, где наслаждение неотделимо от восточных мотивов, а зарождение нового слова и нового учения неотрывно от самого процесса оплодотворения.

*Как звездотечностью пустыни
Везли семь солнц — пророка жён, —
От младшей Евы, в Месяц Скинний,
Род человеческий рождён.*

*Здесь Зороастр, Христос и Брама
Вспахали ниву ярых уд,
И ядра — два подземных храма
Их плуг алмазный стерегут.*

(Впрочем, здесь несомненно видны и следы чтения “Авроры” великого немецкого мистика, выходца из народной среды Якова Бёме, пользовавшегося особым вниманием Клюева, который безусловно разделял ненависть немца к учёности, как сугубо цеховой науке — “Я учусь у рябки, а не в Дерптах”... “Всё тело сего мира подобно человеческому телу, — вещал Бёме, — ибо в самой внешней своей окружности оно окружено звёздами или взшедшими силами природы; и в теле правят семь духов природы, а сердце природы — посреди них внутри”).

Клюевский космос сосредоточен в северной деревне, которая сама воплощает собой единый узел времён и пространств... И не стоит специально останавливаться на его великолепном знании орнаментальной символики на повседневной и праздничной одежде: рубахи-долгорукавки с прорезями-“окошками” для рук, столь характерные как для Русского Севера, так и для Московской губернии — имеют свой аналог в “Атхарваверде”, где боги облачают друг друга в одеяние, что дарует долголетие, власть и богатство. Индийская вышивка в технике “чикан” с использованием множества разнообразных швов соответствует вышивке “чекан”, что применялась в Олонецкой губернии. С. Жарникова в “Золотой нити” отмечала также, что “техника настильной глади из Гуджарата удивительно похожа на севернорусскую настильную гладь, широко распространённую в Олонецкой губернии”... Композиционные схемы вышитого и тканого орнамента, идентичные в Индии и на Русском Севере (богини с поднятыми вверх руками, утицы и павы, композиции из четырёх свастик, соотносящиеся с понятием “аскезы пяти огней” — стояния жреца между четырьмя кострами под лучами солнца, однородная символика плодородия на орнаментированной рубахе), были хорошо знакомы Клюеву... “В пёстрой укладке повойник и бусы свадьбою грезят: “Годов пятьдесят Бог насчитал, как жених черноусый выменял нас молодухе в наряд...” Женский повойник, также связанный с символикой плодородия, равнозначной у русов и арьев, — не только память о матери и свидетельство некогда бывшего достатка в доме (за

повойник отдавали две дойных коровы) — но и наглядное свидетельство той незримой нити, что пронизывает все стихи Клюева ближайших пяти-шести лет:

*Помнит моя подоплёка
Жёлтый Кашмир и Тибет,
В шкуре овечьей Востока
Теплится жертвенный свет.*

.....
*Я — лежебок из чулана
В избу зазимки принёс...
Нилу, седым океанам,
Устье — запечный Христос.*

Так вещает сам тулуп поэта, висящий в чулане, а поэт, вслушиваясь в безмолвную речь одушевлённого друга, находит свой ответ:

*Кто несказанное чаёт,
Веря в тулупную мглу,
Тот наяву обретает
Индию в красном углу.*

И далее эта нота идёт по нарастающей:

*И мнится за печью седое Поморье,
Гусиные дали и просырь мерещ...
А дед запекает о Храбром Егорье,
Склонив над иглой солодовую плешь.*

*Неспора починка и стёг неуклюжий,
Да море незримое нудит иглу...
То Индия наша, таинственный ужин,
Звенящий потирами в красном углу.*

Стихотворение это начинается строкой: “Печные прибои пьянщи и гулки...” В свежесрубленную избу издавна вносили угли из старого очага — этот обычай (на что обратила внимание киевская исследовательница Людмила Киселёва) был связан с культом небесного огня, с языческим богом Сварогом. “Его сын Сварожич — это огонь, горящий в печи и в кострах, частица космического пламени. Потому и в печи плещет прибором вселенского моря...” Стоит добавить, что имя Неба — Сварог — происходит от санскритского “сварга”, что и значит “небо”, а, соответственно, Сварожич — сын неба, у славян означал — солнце. Так в русской избе, как в микрокосме, заключён макрокосм, а древнейшая связь между мирами воплощена в обиходе, в каждой детали которого оживают древние смыслы.

*Под древними избами, в красном углу,
Находят распяты, алтын и иглу —
Мужицкие Веды: мы распяты все,
На жернове — мельник, косарь — на косе.*

.....
*Пусть стол мой и лавка-кривуша —
Умершего дерева души —
Не видят ни гостя, ни чаю, —
Об Индии в русской светёлке,
Где все разноверья и толки,
Поёт, как струна, карандаш.*

*Там юных вселенных зачатки —
Лобзаний моих отпечатки —
Предстанут, как сонмы богов.*

*И ели, пресвитеры-ели,
В волхвующей хвойной купели
Омоют громовых сынов.*

“Индия” неизменно ставится в красный угол, “все разноверья и толки” омываются в православной купели, а сама связь – таинственна, незрима и несказанна, доступна лишь ведающему тайну, разлитую в воздухе Божественного мира.

*Горем седеет и муха —
Одиночкой за зимней рамой...
Песнописцу в буквенное брюхо
Низвергают воды Ганг и Кама.*

*И, внимая трубам вод всемирных,
Рад поэт словесной бурной пене, —
То прибор, поход на ювелирных
Мастерочков рифм — собак на сене.*

* * *

Нельзя не сказать, что увлечение Индией в начале XX века в России приобрело и весьма широкое распространение, и весьма причудливые формы.

Ещё в 80-е годы XIX столетия в “Русском вестнике” стали появляться обширные записки Елены Блаватской “Дурбар в Лахоре. Из дневника русской”, “Из пещер и дебрей Индостана. Письма на родину”, “Загадочные племена. Три месяца на голубых горах Мадраса”... Блаватская писала об Индии, как о прародине человечества, и о том, что древнеиндийская мысль знала свойства природы и человека, неведомые науке. Ещё ранее ею были основаны в Нью-Йорке, в Бомбее и в предместье Мадраса Адьяре теософские общества с целью восстановить утраченные современностью знания скрытых сил природы, развития сверхъестественных сил человека и создания “универсальной религии” — ради достижения братства людей... Учение представляло собой синтез восточных религий и западной магии, восходящей к идеям неоплатоников и гностиков I–III вв. н.э., а также к мистическим европейским учениям XVI – XVIII веков — к трудам Бёме, Парацельса, Сведенборга, Сен-Мартена...

При всей странности её религиозных взглядов она, более половины жизни проведшая вне России и окончившая свои дни в Лондоне, оставалась убеждённой русской патриоткой. “Не странно ли, что я, язычница, ненавидящая протестантство и католичество, как только дело дойдёт до православия, так душу так и тянет к русской церкви... А за торжество православной России, нашей церкви и всего русского отдала бы кровь последнюю...” “Господи! Хоть бы перед смертью увидеть Россию, торжествующую над врагами!” То, что подобные высказывания её абсолютно искренни, подтверждает следующий любопытный факт: ещё в 1872 году Блаватская предложила свои услуги начальнику III Отделения в качестве международного агента: “В эти 20 лет я хорошо ознакомилась со всей Западной Европой... со всеми выдающимися личностями политиков западных держав, как правительственной, так и крайне левой стороны... Занимаясь спиритизмом, прослыла во многих местах сильным медиумом... каюсь в том, что три четверти времени духи... отвечали моими собственными — для успеха планов моих — словами и соображениями. Редко, очень редко не удавалось мне посредством этой ловушки узнавать от людей... их надежды, планы и тайны... Я говорю по-французски, по-английски, по-итальянски, как по-русски, понимаю свободно немецкий и венгерский язык, немного турецкий... Я играла все роли, способна представить из себя какую угодно личность...” III Отделение отказалось от услуг исследовательницы и будущей теософки, но прими оно это предложение — Россия имела бы ценнейшего агента, вхожего во многие сферы — куда там легендарной певице Мате Хари!

Во всяком случае, её записки дышат непримиримой ненавистью к колонизировавшей Индию Англии, а в кругу немногочисленных близких друзей она делилась своими мечтами о появлении отряда генерала Скобелева на от-

рогах Гиндукуша... Разговоры разговорами, но о том, в какой атмосфере в Индии жила Блаватская, готовая “положить жизнь за Родину, даже за царя” (по её собственному признанию), она писала издателю журнала “Ребус” В. Прибыткову: “...Англо-индийское правительство узрело во мне, с первого же дня моего приезда в Бомбей – “русскую шпионку”. Оно не жалело ни трудов, ни денег, чтобы проникнуть ту КОВАРНУЮ ЦЕЛЬ, которая могла заставить меня предпочитать “покорителям” ПОКОРЁННЫХ “тварей низшей расы”, как первые зазывают индусов. Оно окружало меня более двух лет почётным конвоем из мусульманских полицейских шпионов, делая мне, одинокой русской женщине, честь страшиться меня, как бы я была целой армией казаков за Гималаями...” Английская разведка работала чётко: вокруг Блаватской было создано густейшее облако из наветов и сплетен, чему, увы, способствовали и её собственные поступки – “для успеха планов моих...” В конце концов она была выслана из Индии, и репутация её была необратимо подорвана на многие десятилетия.

Но что интересно – в трёхтомной книге, посвящённой путешествию цесаревича Николая II на Восток в 1890–1891 годах, изданной в 1895 году, о Блаватской говорится в общем контексте распространения русского влияния на Индию и совершенно в ином тоне, чем стало принято писать о ней позднее.

“История наших отношений к Азии и к инородцам, населявшим когда-то добрых две трети Европейской Руси, ещё не написана и нам самим известна (в осмысленно-правдивом освещении) гораздо меньше прошлого иностранных государств. Когда неведение по этой части с годами рассеется, мы волей-неволей должны будем прийти к сознательно непреклонному убеждению, что Тот (на чьём челе магическими лучами сияют воедино венцы Великих Князей Югорского, Пермского и Болгарского на Волге, Царей Казанского, Астраханского и Сибирского, – чьи предки ещё в Белокаменной издавна величались “всея северные страны повелителями и иных многих великих государств государями и обладателями”) является единственным настоящим вершителем судеб Востока. Крылья Русского Орла слишком широко прикрыли его, чтобы оставлять в том малейшее сомнение. В органической связи с этими благодатными краями – залог нашего будущего.

Здесь, у Мадраса, в предместье Адиар (у маленькой реки того же названия) учредился центр нового оригинального братства. Деятельным помощником и другом нашей талантливой соотечественницы, приобретшей в России литературную известность под именем Радда-бай, явился американский полковник Олькот. Огромное число разветвлений мадрасской теософической логи возникло и в Азии, и в Америке, и в Европе. Несколько органов периодической печати специально посвятило себя констатированию и отчасти изучению необъяснимых психических феноменов из области психизма, то есть магических актов воли человека, для которого условия пространства и времени перестают существовать. Блаватская вызвала бурю обличений в шарлатанстве, чуть ли не в силу подозрительности англичан должна была навсегда покинуть преисполненный чудес и столь полюбившийся ей полуостров; но искусство её вызывать к себе симпатию и преданность туземцев, их смутная жажда сплотиться под знаменем этой странной северной женщины из народа, радикально чуждого Альбиону, – её постоянные разъезды по стране ради сближения с волхвами и в попытках быть допущенной к разным заветным тайнохранилищам браминов и джайнистов, – всё вместе взятое создало ей исключительное положение, какого с давних пор никто и нигде не занимал (пожалуй, начиная от тех отдалённо-блаженных дней, когда ясновидящие старицы на рубеже истории говорили со своими первобытно мыслящими единоплеменниками на вещем языке богов!). Для Индии настоящего и будущего Е. П. Блаватская не умерла и не умрёт...

Англичанам остаётся пока, и замкнутым должно оставаться, самое важное: душа народов, которыми они правят. Глубоко и убеждённо преклоняясь перед искусством Британии властвовать над океанами и чужими царствами, всякий патриотично, но беспристрастно мыслящий русский не может и не смеет закрывать глаза на коренную противоположность её правильного и нашего далеко не упорядоченного хозяйничанья в пределах того же громаднейшего и населённейшего материка. Для одних это – приятная, однако весьма ненадёжная оккупация земель, облюбованных солнцем и с невероятно дешёвым человеческим “трудом на других из-за куска хлеба”. Для антипо-

да Англии, для Азии Белого Царя, это есть домостройный принцип, недостаточно ещё перевоплощенный в туземную жизнь...”

Любое проникновение с русской стороны в индийский мир воспринималось англичанами как угроза их геополитическому могуществу, тем более когда речь шла о познании тех слоёв жизни “туземцев”, которые оставались непознанными высокомерными колонизаторами... Русские, в отличие от англичан, не только не смотрели на индийцев свысока — они познавали этот удивительный мир как близкий, родственный себе самим. А на Востоке продолжалась Большая Игра, та самая, о которой Редьярд Киплинг писал в своём знаменитом романе “Ким”. Один из героев романа Хурри Чендер утверждал, что “Большая Игра кончится тогда, когда умрут все. Не раньше”, и с гордой иронией вещал: “Я послал сказать, что дороги, за прокладку которых я плачу деньги землекопам, готовятся для ног чужестранцев и врагов” — и на вопрос: “Для кого?” — отвечает: “Для русских”. А в конце романа — снова — его же устами — Киплинг вещает о врагах — геостратегических противниках в Большой Игре: “Теперь все горцы уверены, что русские — нищие. Клянусь Юпитером! У них не было ничего, кроме того, что я доставал им. А я рассказывал простому народу — о, такие рассказы и анекдоты!.. Мы оба отличились!.. Видели бы вы, когда они удоставляли свои личности в Союзном банке! И, благодаря Всемогущему Богу, вы так хорошо добыли их бумаги... У вас будет всюду кредит на Игру”.

Интересно всё же, что “Книги джунглей”, стихи и роман Киплинга, получившего в 1907 году Нобелевскую премию “за наблюдательность, яркую фантазию, зрелость идей и выдающийся талант повествователя”, пользовались большим успехом в России — многие узнавали таинственную и влекущую к себе Индию через его произведения. Не могу не упомянуть об одном интересном факте: мой прадед Аркадий Николаевич Куняев, всю жизнь посвятивший медицине, будучи достаточно образованным и начитанным человеком, но никак не связывавшим свою судьбу с литературным творчеством, напечатал в 1910 году в журнале “Вокруг света” рассказ “В таинственном Тибете” — авантурное приключенческое сочинение, написанное одновременно и в подражание Киплингу и в полемике с ним. Герой рассказа индус Гобай служит проводником английскому отряду в Тибет и попадает с доктором Мифом в дом, где живёт некий англичанин Реджинальд, проделывающий чудовищные опыты: “в том доме... профессор... вырабатывал в своей лаборатории газ, обладающий свойством жадно поглощаться человеческой кровью... Он только и питался такою кровью!.. Мало того, он приучил к её употреблению свою жену и своего “управляющего”, который доставал жертв среди окрестных деревень...” В общем, вампир в виде “белого сахиба”, своеобразного “цивилизатора” ... Трудно отделаться от мысли, что этот рассказ с “жутким” сюжетом, на котором лежит определённый отпечаток бульварности, является и своеобразной пародией на многочисленные “восточные” сочинения того времени, в которых разнообразная “жуть” приписывается “туземцам”.

Помимо теософских журналов, щедро печатавших необуддистские сочинения, в России выходили быстро вошедшие в моду сочинения Свами Вивекананды “Практическая Веданта”, “Бог и Человек”, которыми, в частности, увлекался в юности Есенин и следы чтения которых сохранились в его ранних письмах Григорию Панфилову. Пересказывая отдельные мысли из “Веданты”, он, вне сомнения, позже делился этими же соображениями с Ключевым, в котором не мог не найти благодатного собеседника — многое вычитанное отсюда было изначально близко им обоим: “Всё едино: мысль, жизнь, душа и тело. Единственное различие в степенях развития. Мы не имеем потому никакого права смотреть с презрением на тех, кто не находится на одной с нами ступени. Не осуждай никого; наоборот, пользуйся оказавшись помочь каждому и делай это охотно...”

Нельзя не сказать, что распространение теософских сочинений у многих православных мыслителей вызывало активное отторжение, ибо было для них свидетельством наступления антихриста в преддверии грядущего конца света.

“Насколько усиленно идёт по миру подготовка царства антихриста, — писал Сергей Нилус, — можно, между прочим, видеть на современной деятельности одного из крупных разветвлений широковетвистого масонно-еврейского дерева, “Теософского Общества”, ныне совершенно открыто рекламирующего своих кандидатов в “боги” и “цари” для отступнического мира.

С 1-го января 1911 года теософами в лице председательницы их общества, разведённой жены методистского пастора и “подруги жизни” ныне умершего ирландского революционера Брэдли, мистрис Анни Безант учреждён “Орден Звезды Востока”. В члены этого ордена могут поступать все принимающие идею близкого второго пришествия мессии в физическом теле для тысячелетнего царствования на земле. Председателем этого ордена объявлен некий юноша-индус Кришнамурти (псевдоним “Альцион”). Юноше этому в 1916-м году исполнился 21 год. Это — “христос” от теософии, т. е. великий учитель, подобный Кришне или Будде, который поможет человечеству”.

И далее Нилус описывал со ссылкой на публикацию в “Биржевых ведомостях” мадрасскую школу “Дандарат” — школу “особого оккультного воспитания”, в которой “достигаются изумительные результаты при помощи гипноза. Воспитатели внушают детям, что те очень сыты и что атмосфера накалена. Под гипнозом они держат детей 14-15-летнего возраста, приучая их за этот период к бесстрашию и ясновидению... Обстановка и образ жизни в мадрасской школе вырабатывают истериков, каталептиков, припадочных разного вида и просто больных людей. Особо талантливые, т. е. особо нервные, из оканчивающих эту школу остаются в ней в качестве воспитателей, среди которых немало удивительных людей... Школа в Мадрасе содержится тайно, так как существуют предположения, что многие из воспитанников школы похищены европейскими и американскими оккультистами для увеличения числа адептов и жрецов “таинственной науки”.

Но это ещё “цветочки”. “Ягодки” у Нилуса следуют дальше.

“В том же теософском обществе существует отделение его, именуемое “Белой Ложей”. Надо полагать, что ложа эта состоит из членов, удостоившихся чести особого посвящения в тайны теософии, ибо в ней посвящённым показывается ныне якобы в эфирном теле некто, именуемый “Учитель учителей”, Иисус — Матерейя. Его видит председательница теософского общества Анни Безант, видят, вероятно, и другие члены ложи. Непосвящённым портрет этого “Учителя” выдаётся за идеальную голову мужской красоты...”

Такова работа “врага рода человеческого” в мире великого отступления, когда-то бывшего христианским”.

(К слову: в 1941 году известный русский фантаст Александр Беляев выпустил отдельным изданием свой последний роман “Ариэль”, где описание Дандарата полностью соответствует описанию, данному Нилусом — вплоть до деталей. То же касается и портрета Матерейи, появляющегося перед воспитанниками школы:

“Учитель учителей” был одет в небесно-голубого цвета длинную одежду. Его голова с волнистыми, падающими на плечи волосами и небольшой бородкой напоминала изображения Христа итальянских художников. На красивом, слишком женственном — “сладостном” — лице застыла “божественная” улыбка...”

Цели мадрасской школы Беляев также излагал в унисон с Нилусом — за одним серьёзным исключением: он не мог противопоставить в романе, предложенном довоенному советскому издательству, теософии — православие.

“Мистер Пирс и сагиб — мистер Броунлоу — оба были англичанами, и оба работали на одном поприще. Религия — один из устоев общественной системы, которой они служили, — давала зловещие трещины, теряла своё обаяние в народных массах. Нужны были какие-то подпорки, суррогаты, “заменители”. Нужно было поддержать веру в божество, в дух, поддержать мистические настроения. И на сцену появились общества теософии, спиритизма, оккультизма, издававшие тысячи книг во всех странах мира. Центр их находился в Лондоне. Нельзя было не использовать Индию, окружённую в глазах европейцев и американцев ореолом таинственности с её “оккультными знаниями”, йогой и факирами. В самой же Индии религия так хорошо помогала англичанам поддерживать своё господство...”

Мадрасская школа существует неофициально. К этому побуждают не только своеобразный уклад и необычайные методы воспитания, но и некоторые причины более щепетильного свойства. Сюда помещают детей только те родители, родственники или опекуны, которые по той или иной причине на время или навсегда хотят избавиться от ребёнка. Некоторые же из детей просто похищаются у родителей агентами Дандарата”.

Точное описание типичной тоталитарной секты.

Если отвлечься от сугубо “атеистического” беляевского штампа — нельзя не прийти в изумление от очевидного факта: в стране, где книга “Близь есть при дверехъ” с “Протоколами Сионских мудрецов” давно была предметом преследования и поводом для тюремного заключения, советский фантаст вполне легально издаёт роман с почти дословным переложением идей сей книги — и до последнего времени эти текстуальные совпадения остаются незамеченными. Воистину: пути Господни неисповедимы.)

И невозможно не обратиться здесь к ещё одной ключевой фигуре русской культуры XX века, уже напрямую связанной с Клюевым — к Николаю Константиновичу Рериху.

* * *

Их личное знакомство состоялось в 1915 году в обществе “Краса” (как вспоминал позже Городецкий — Рерих “был не чужд” этому обществу). Сблизила их горячая любовь к русской истории и к древнерусскому искусству, духовные поиски “Града Невидимого” и стремление восстановить давно распавшуюся и почти позабытую связь между русским и индийским народами, доказать их извечную близость друг к другу.

Многое в “листах” Рериха тех лет было духовно родственно Клюеву.

“Приходят враги разорять нашу землю, и становится каждый бугор, каждый ручей, каждая сосенка ещё милее и дороже. И, отстаивая внешне и внутренне каждую пядь земли, народ защищает её не только потому, что она своя, но потому, что она и красива, и превосходна, и, поистине, полна скрытых значений.

Велика красота русская, у нас бесконечно много того, что ещё недавно считалось неценным. Чего не видно из окон вагона, когда, бывало, ездили “куда следует”. Чего мы не хотели знать. Как вообще не хотели знать свою собственную землю...

Знаю, пройдёт испытание. Всенародная, крепкая доверием и телом Русь стряхнёт пыль и труху. Сумеет напиться живой воды. Наберётся сил. Найдёт клады подземные.

Точно неотпитая чаша стоит Русь. Неотпитая чаша — полный целебный родник. Среди обычного луга притаилась сказка. Самоцветами горит подземная сила.

Русь верит и ждёт”.

Похоже на неспешную беседу, ведущуюся в глубоком раздумье — и тональность сродни тонкой цветовой и световой тональности полотен, оттеняющей глубокое внутреннее напряжение — из жизни Древней Руси: “Человечьи праотцы”, “Вестник”, “Знамение”, “Звёздные руны”, “Заклятие земное”, “Прокопий праведный за неведомых плавающих молится”.

И одновременно с Древней Русью создавались полотна, посвящённые далёкой Индии: “Дессавари Абунту”, “Дессавари Абунту с птицами”, прототипом которых служили фрески Аджанты. И в “листе” “Индийский путь”, написанном в 1913 году под впечатлением парижской выставки восточного искусства из частных собраний Рерих писал:

“Обычай, погребальные “холмы” с оградами, орудия быта, строительство, подробности головных уборов и одежды, все памятники стенописи, наконец, корни речи — всё это было так близко нашим истокам. Во всём чувствовалось единство начального пути.

Ясно, если нам углубляться в наши основы, то действительное изучение Индии даст единственный материал. И мы должны спешить изучать эти народные сокровища, иначе недалеко время, когда английская культура сотрёт многое, что нам так близко...

Мы поняли значение византийских эмалей. Мы поняли, наконец, и ценность наших прекрасных икон. Теперь иконы уже вошли в толпу, и значение их укреплено. Через Византию грезилась нам Индия: вот к ней мы и направляемся...

Живёт в Индии красота.

Заманчив Великий Индийский путь”.

Пройдут годы — и Рерих в книге “Алтай—Гималаи” будет пересказывать “Индийское Евангелие” — “в рукописях, имеющих древность около 1500 лет”,

“как говорят в Гималаях о Христе”. “Индийское Евангелие”, о котором вспоминал и Ключев – и трудно подумать, что не вели они бесед между собой об этом удивительном сказании в год предреволюционного катаклизма.

“Исса (Иисус) тайно оставил родителей и вместе с купцами из Иерусалима направился к Инду, за усовершенствованием и изучением законов Учителя.

Он провёл время в древних городах Индии Джаггарнате, Раджагрихе и Бенаресе. Все его любили. Исса жил в мире с вайшьями и шудрами, которых он обучал...

Исса не слушал речей браминов и ходил к шудрам проповедовать против браминов и кшатриев. Он сильно восставал против того, что человек присваивает себе право лишать своих ближних человеческого достоинства.

Исса говорил, что человек наполнил храмы мерзостью. Чтобы угодить камням и металлам, человек приносит в жертву людей, в которых обитает частица Высшего Духа. Человек унижает работающих в поте лица, чтобы приобрести милость тунеядца, сидящего за роскошно убранным столом. Но лишаящего братьев общего блаженства будут лишены его сами, и брамины и кшатрии станут шудрами шудр, с которыми Высший Дух пребудет вечно...”

Далее рассказывается, что Исса, предупреждённый о том, что его хотят убить, “оставил эти места... был в Непале и в Гималайских горах. Из другого источника, приводимого Рерихом, следует, что “Иисус преодолел горный проход, и в главном городе Ладакха – Лехе – он был радостно принят монахами и людьми низкого состояния. И Иисус учил в монастырях и на базарах; там, где собрался простой народ, – именно там он учил...”

Среди ладахкцев Иисус провёл много дней; он учил их лечению и о том, как превратить землю в небо радости. И они полюбили его, и, когда пришёл день ухода, печалились, как дети. И утром пришли множества проститься с ним.

Иисус повторял: “Я пришёл показать человеческие возможности. Творимое мною все люди будут творить. И то, что я есть, все люди будут. Эти дары принадлежат народам всех стран – это вода и хлеб жизни”.

Ключев совершал путь духовный – Рерих совершил путь физический и окончил свои дни в Индии, в долине Кулу. И уже с далёкого Востока раздавался его призыв:

“Итак, надо всеми физическими условностями и разделениями намечаются возможности нового истинного общего единения. Во имя этого мира всего мира, во имя мира для всех, во имя взаимного понимания радостно произнести здесь священное слово “Шамбала”.

Поистине стираются условные границы. Вы заметили, что понятие Шамбалы соответствует лучшим западным научным исканиям. Не темноту суеверия и предрассудков несёт с собою Шамбала, но это понятие должно быть произнесено в самой позитивной лаборатории истинного учёного. В искании сходятся восточные ученики Шамбалы и лучшие умы Запада, которые не страшатся заглянуть выше изжитых мерок. Как драгоценно установить, что во имя свободного понимания сходятся Восток и Запад.

Было время, когда японец был вынужден писать в альбом западной леди: “Мы будем вспоминать вас при восходе солнца, вспоминайте нас при закате”.

Теперь же мы можем писать в альбом восточных друзей: “Несгораемый светоч сияет. Во имя красоты знания, во имя культуры стёрлась стена между Западом и Востоком”.

“Шамбала” – буквально “Белый остров”, а источник этого имени – в “Махабхарате” (страну вечного счастья, “блаженный остров” индусы называли “Шветадвипа” – что также означает “Белый остров”). И велик соблазн услышать в словах Рериха ключевскую ноту, прозвучавшую в стихах, написанных десятью годами ранее:

*Уплывём же, собратья, к Поволжью,
В папирусно-тигриный Памир!
Калевала сродни желтокожью,
В чьём венце ледовитый Сапфир.*

*В русском коробе, в эллинской вазе
Брежжат сполохи, полюсный щит,
И сапфир самоедского князя
На халдейском тюрбане горит.*

Велик соблазн воплотить тайную духовную связь в демонстрации “вселенского знания”, а то и в геополитических чертежах. Велик и подчас непреодолим соблазн для человека сочинить послание от имени махатм, где выражается полное удовлетворение уничтожением Церкви на своей бывшей родине, и, в конце концов, возмечтать о “союзе наций Азии”, что образуется при доброй воле американского президента...

Это всё произойдёт с Рерихом позже. Ключев избегнет подобных соблазнов благодаря своей неколебимой устойчивости в вере отцов, дедов и прадедов. Его “дух рыщет, где хочет” — но именно дух. Не “сказку богомерзкую”, якобы могущую воплотиться в геополитической реальности, искал он, “сказку”, что способна исказить любой поиск, предпринятый с самыми благородными целями.

...Тогда же, после начала I мировой войны, появились и первые работы будущих евразийцев, воспитанных в традициях либеральной академической среды — Г. Вернадского (“Против солнца. Распространение русского государства к Востоку”, 1914 г.) и П. Савицкого (“Борьба за империю. Империализм в политике и экономике”, 1915 г.), где подчёркивалась особая роль природного фактора в историческом процессе и естественное расширение России на Восток квалифицировалось, как образование “великой национальной русской цельности”. Симптоматично, что эти работы появились как, если угодно, идейное обоснование противостояния антиазиатским настроениям, идущим с Запада... Уже позднее появится “Закат Европы” Освальда Шпенглера, а ещё позднее, уже в эмиграции, “продолжатели дела” евразийцев, в частности, Н. Трубецкой, соблазнённый “жёлтой идеей”, будет поклоняться Чингисхану и выступать с позиций, враждебных Индии...

В этой пестроте теорий, мнений, взглядов, трудов и выступлений, что свидетельствовала о полной потере почвы под ногами у многочисленных представителей русского “образованного люда” в начале века, Ключев сохранял удивительную цельность и ясность в своей обрётённой опоре на незримую горизонталь, соединяющую Русь с Востоком, и устойчивое видение вертикали, соединяющей земной мир с небесным... В 1918 году в своих знаменитых “Скифах” Александр Блок по-своему декларировал “всечеловечность” русского сознания:

*Мы любим всё: и жар холодных числ,
И дар божественных видений.
Нам внятно всё: и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений.*

Но ещё за два года до блоковских строк Ключев начертил свой вектор устремления русской мысли и чувства:

*Беседная изба — подобие вселенной:
В ней шолом — небеса, полати — Млечный Путь,
Где кормчому уму, душе многоплачевной
Под веретённый клир усладно отдохнуть.*
.....
*Индийская земля, Египет, Палестина —
Как олово в сосуд, отлились в наши сны.
Мы братья облаков, и савана холстина —
Наш верный поводырь в обитель тишины.*

Этот мотив станет определяющим в его поэзии послереволюционных лет, когда он будет всё ярвственнее ощущать наступление ненавистного железа на любимую Россию.

(Продолжение следует)